

1

КОГДА ВСЕ ОТ ТЕБЯ ОТВЕРНУЛИСЬ

3 декабря. Вечер

Днем шел снег, медленный и пушистый. Повисал в ветках, будто изо всех сил старался украсить этот серый, безликий спальный район. На какое-то время это ему удалось. Но потом он растаял, оставив после себя лишь запах свежести и воды. А к вечеру подморозило, и все, кто уже вернулся с работы, вначале потопали ногами у своих дверей, стряхивая грязь, затем поужинали и уселись у телевизоров. Массив обезлюдел, только редкие, освещенные изнутри троллейбусы скрипели по своим маршрутам.

Но один мужчина, пренебрегая почему-то телевизором, выскочил из подъезда наружу как чертик из табакерки. Причем без шапки и в распахнутой лыжной куртке. Подошел к припаркованному напротив автомобилю, постоял, будто что-то вспоминая, рассерженно плюнул под ноги и рванул на остановку. Там он выкурил две или три сигареты, нервно расхаживая взад-вперед. Наконец дождался троллейбуса, нетерпеливо впрыгнул в него и сел на заднее сиденье. При этом слегка толкнул дремавшего грузного парня.

— Эй, мужик, ты чего? — проснулся тот и с угрозой посмотрел на соседа. — Хочешь неприятностей?..

От верзилы пахло пивом. Наверное, оно бурлило и требовало каких-то действий. На полупустой задней площадке троллейбуса возникла угроза конфликта, тем более что толкнувший был телосложения худощавого, лицо имел интеллигентное. А интеллигенты, как известно, сдачи не дают... Но худощавый пассажир так бешено сверкнул глазами, что верзила замолчал.

Новый пассажир встал, прошел вперед к водителю за талоном, купил, пробил компостером и вернулся на свое место. Верзила краем глаза наблюдал за ним. Пластика как у хищного зверя, бесшумная походка, когда кажется, что человек не идет, а плывет, плавная точность движений... Нет, с таким лучше не связываться. Парень встал и пересел от опасного мужика подальше.

Худощавый усмехнулся про себя. Он в очередной раз подумал, что такие ребятки сразу чувствуют превосходящую силу и уверенность в себе, трусят, избегают стычки. Но тут же и забыл о нем, скрипнул зубами, снова погрузился в свои мысли. И, едва дождавшись остановки на конечной, выпрыгнул наружу и помчался к станции метро.

Андрей Двинятин был в ярости. Он тяжело дышал, мысли его прыгали в такт шагам и даже быстрее. Черт!.. Никогда не думал, что могу так... Неужели это ревность? А почему, собственно? Что он, не мужчина?! Но как она могла! Стоп, стоп, стоп... Это не Вера. Это все актеришка чертов, Билибин. Приглашает ее на показ мод, на премьеру спектакля, оставляет на служебном входе контрамарки. Пользуется тем, что Андрей все время на работе и ему не до театров...

Двинятин поморщился, как от зубной боли. Если бы знал — с самого начала ходил бы с любимой женщиной в этот театр, пропади он пропадом. Тем более что он же не дикарь, ничего не имеет против искусства. Просто... До сегодняшнего дня как-то и подумать не мог, что... Человек может встретиться с кем-то без задних мыслей, просто встретиться и пообщаться. Имеет право. Но не пропадать в этом театре сутки напролет! Да еще и в компании этого красавчика. Мачо, чтоб ему... Тьфу!

Пустой простуженный вагон метро мчался с левого берега на правый, мелькали вдали фонари, отражаясь в подмерзшем зеркале Днепра. А Андрей, не в силах усидеть на месте, нервно расха-

живал по вагону из конца в конец. Глупо, глупо... Ревность? Ну и ладно, пусть ревность! Вера как специалист, врач-психотерапевт, называет ревность болезнью. Она не раз рассказывала ему, что часто чувствует себя не психотерапевтом, а ревнопатологом... Зависть — это ревность к успеху. Убийство — ревность к чужой жизни. Наверное, на дне любых фобий лежит ревность... Андрей тогда, помнится, не согласился: а как же Пушкин?

— Действительно, — усмехнулась Вера. — Как он смел погибнуть на дуэли из-за женщины? Из-за прекрасной, но ведь несравнимой с его гением. Да? Ты это имел в виду?

— Это.

— А ты хоть понимаешь, что сейчас проявляешь типичную ревность?

— Не понял... Я люблю стихи Пушкина, и мне его жаль.

— Ну вот, видишь? Это в большей степени твоя ревность к его жене, чем любовь к поэту. Когда любишь по-настоящему, любишь не для себя, а ради другого. Тебе может быть плохо, некомфортно — но любимому существу должно быть хорошо. Твоя любовь заранее оправдывает и прощает все, что он любит, чего желает, в чем нуждается. Ты можешь не разделять взглядов любимого существа, но ради любви подчиняешься его выбору. А ревновать мы все умеем, но бездарно, это только Пушкин мог написать: «Как дай вам Бог любимой быть другим»... И учти: поэт не столько ревновал, сколько защищал свою честь.

Андрей вышел на станции «Театральная» и пошел вверх по движущемуся эскалатору, заранее доставая сигарету. Значит, моя любимая женщина наслаждается обществом этого своего кривляки, лицедея Антона Билибина! Отчаянно хочется прихлопнуть его, как комара. Черт, черт! Почему сегодня нет дуэлей? Если набить морду этому надутому хлыщу, то Вера его же и пожалеет. А я не хочу ее терять.

Он вздрогнул, по заливку пробежали мурашки. Не от мороза, хотя Андрей уже вышел наружу. Потерять Веру — все равно что потерять жизнь. Они так давно вместе, что он не представлял отдельно ни себя, ни ее. Это невозможно.

Что же делать? Как все было бы просто, если б не отменили дуэли! Согласно дуэльному кодексу давних времен, сам риск

смерти, выход лицом к стволу, под пулю уже смывал оскорбление. И с той, и с другой стороны. И неважно, кто умер, а кто остался жив. Честь защищена, вины ничьей уже не существует. Даже если и был какой-то полунамек, полувзгляд, полумысль — ничего этого нет с той секунды, как ты встал под дуло пистолета...

Он тяжело вздохнул, посмотрел в тусклое темно-серое небо. На этого гнусного слизняка жалко тратить пулю. Красавчик хренов, свернуть бы тебе шею, чтоб не лез к чужим женщинам, и вся недолга!

Сигарета, уже надцатая за день, отдавала горечью, Двинятин отшелкнул ее в темную глубину улицы, и она улетела, сверкая огненной точкой. Вот через дорогу театр, справа нависает огороженная бетонным забором стройка. Очередной торгово-развлекательный комплекс возводят...

Андрей вспомнил свою собственную «стройку», из-за которой они так много спорили с любимой женщиной, даже поссорились и разъехались. Он надеялся, что это ненадолго. Но, в самом деле, как жить и где? Дурацкий квартирный вопрос! Андрей свое жилье оставил бывшей жене и дочке. Вера тоже не могла делить на части старую квартиру, где остались ее экс-супруг, его мать и Верина дочь Оля. Тем более что та вышла замуж и молодого мужа взяла к себе под крыло. Поэтому Вера и Андрей сняли квартиру и прекрасно, казалось бы, в ней жили. Но постепенно женщине становилось некомфортно. Арендная плата росла вместе с подорожанием всего и вся, а зарплата оставалась на том же уровне. Иногда по разным причинам «слетали» премии, потому что в Министерстве охраны здоровья Украины... Впрочем, доктор Лученко и ее коллеги столько наговорились и накричались на эту тему, что лучше ее не трогать. Достаточно того, что они теперь это министерство иначе как «министерством здравоохранения» не называли.

Двинятин, ветеринар и совладелец клиники, тоже не купался в доходах. В последнее время клиентов поубавилось, особенно после потрясающе глупого постановления, которое касалось обезболивающего для животных, применяемого во время операций. Выходило так, что его нельзя использовать, если ты не прошел

кучу инстанций с бумагами, не оборудовал помещение для хранения лекарств десятком замков и сигнализаций... В общем, перед парой возникли серьезные материальные проблемы. Правда, Андрею было некогда замечать все это, он почти круглосуточно работал.

Вера расстраивалась, Андрей сердился. Он сто раз предлагал ей жить вместе с его мамой, рядом с соснами, на Лесном массиве. Но Лученко категорически отказывалась даже обсуждать подобный вариант. Она так намучилась, прожив со свекровью восемнадцать предыдущих лет, что становиться на те же грабли не собиралась. И хотя мама Двинятина была прекрасной, доброй, тихой и очень интеллигентной дамой — ну просто голубь мира, — на Верино решение это не влияло. Она твердила: «Чем дальше я от твоей мамы, тем более любимой невесткой я для нее буду!» В таких ответах были своя логика и жизненный опыт.

Тогда Двинятин начал строить дом в пригороде Киева, в чудесном месте — Пуще-Водице. Однако денег на быстрое создание семейного гнезда катастрофически не хватало. И хотя он прилично зарабатывал в своей ветеринарной клинике, все его заработки бесследно растворялись в цементе, кирпичах, плитке... И конца стройке не было видно.

И вот теперь Андрей придумал наконец, на ком он отыграется за все жизненные неурядицы последнего времени. Актер Билибин идеально подходил на роль боксерской груши. Во-первых, он не давал Вере проходу своими дурацкими ухаживаниями и засыпал цветами. Сволочь! Нет, подумать только, какой негодяй! Поклонницы дарят ему цветы, а он передаривает их его жене. А она, хотя вроде бы и не дуручка, радостно принимает эти букеты! Во-вторых, Антон Билибин раздражал ветеринара тем, что, в отличие от него самого, как раз имел прекрасную квартиру в центре города, на Печерске. Вера рассказывала, что тот уже два года, как вдовец, и от покойной жены ему досталась приличная трехкомнатная квартира.

Двинятин в бешенстве двинул ногой по бетонному забору стройки, отчего тому ничего не сделалось, и решительно направился в сторону театра. После сегодняшней встречи Билибин оставит его женщину в покое раз и навсегда.